

Ульяна Берёзкина

Мороженое в кредит

Ульяна Берёзкина

Мороженое в кредит

<https://litres.ru/74681544>

SelfPub; 2026

Аннотация

История о том, как случайная встреча в торговом центре может изменить жизни нескольких людей. Катя, молодая сотрудница банка, знакомится с одиннадцатилетним Севой, имеющим затруднение с получением кредита на эскимо и с изучением математики. Помощь Севе перерастает в дружбу, а затем и в нечто большее, когда Катя знакомится с отцом Севы. Сева становится организатором взаимодействия взрослых и главным строителем будущей полной семьи. Легкая, забавная и добрая история о любви, семье и неожиданных поворотах судьбы, где детская непосредственность помогает взрослым обрести счастье.

Ульяна Берёзкина

Мороженое в кредит

Мороженое в кредит

Жизнь женщины всегда полна подвигов. Бывает, что для отдельно взятой особи подвиг то, что для другой – ничего не значащий или, напротив, весьма приятный эпизод. Для Кати Верховцевой покупка нового платья была если не подвигом, то крайне ответственным поступком. Особенно сейчас, когда она вернулась из Германии. Она провела там целый год после университета и теперь должна была во всеоружии приступить к работе в банке, оплатившем стажировку лучших студентов. Беда, что она не очень представляла, какого типа и калибра оружие ей потребуется. Хорошо операторам в зале – у них всё просто: белый верх, чёрный низ, каблуки, причёска, желательно – интересный маникюр. В кредитном же отделе намного сложнее. Нужно, чтобы глядя на тебя, клиент проникался надёжностью и респектабельностью заведения. Весь облик сотрудника должен показать – тут даже новоиспечённые специалисты в полном порядке и дела банка идут замечательно. Всё это заранее повергало Катю в панику – ей проще было изучить новую экономическую схему, чем выбрать себе платье. Но это необходимо было сде-

лать. Самостоятельно и без подсказок со стороны. Да и кто мог ей помочь? Папа, из всего многообразия одежды разбирающийся только в камуфляже? Мама, сотрудница бухгалтерии молокозавода, куда она последние десять лет из соображений практичности являлась в брюках, или друг Толя Семёнов, настолько оторванный от действительности гений, что удивительно, как он на себе-то умудряется застегнуть пуговицы? Подруг женского пола Катя если и заводила, то ненадолго – им быстро становилось скучно вместе. Зато приобрела прочную привычку к джинсам, клетчатым рубашкам и кроссовкам на липучках, чтобы не дай бог не перенапрячься, завязывая шнурки. Германия эту привычку укрепила – стажёры ходили там в чём вздумается, и после возвращения проблема платья–туфель–причёски встала перед Катей в полный рост.

К счастью, в августе аномальная летняя жара, пик которой Катя пересидела за границей, пошла на спад, и до ближайшего к дому торгового комплекса удалось добраться без обмороков и прочих приключений. Однако жарко всё равно было. А ещё она растерялась от огромного количества магазинчиков, куда предстояло зайти в поисках добычи. Поэтому решила начать с мороженого. И не с какого-нибудь интересного в кафе, а обычного эскимо на палочке, какие продают в супермаркетах, да и просто на каждом углу. Пройдя в продуктовый магазин, Катя без труда отыскала холодильник с мороженым и встала около него за двумя женщинами и маль-

чишкой лет десяти. Решив, что когда тётки купят ребёнку вкусняшку, она спокойно выберет, что взять ей. За год Катя отвыкла от московского мороженого. Но тётки ушли, а мальчишка остался и принялся возить пальцем по наклейкам с ценой на бортике холодильника. Заглядывал внутрь, выбирал, проверял цену, вздыхал и снова принимался выбирать. Окинув его взглядом – футболка с принтом мощной машины, штаны до колен, изрядно побитые жизнью кеды и кепка, болтающаяся прицепленной к поясу, – подумала: безнадзорное дитя, родители вроде и не малоимущие, но сыночку на мороженое явно не хватает. Почесав лохматую тёмную макушку, пацан оглянулся на Катю. Очень симпатичный мальчик, ещё и в очках. Наверное, умненький, как Толя Семёнов. Впрочем, очки не гарантия.

– Я вас задерживаю? – поинтересовалась молодая поросль, теперь расчёсывая заживающую ссадину у локтя. – Выбирайте, я потом.

– Потом ценник не изменится, – усмехнулась Катя.

– Да, – вздохнул пацан. – А главное, какая несправедливость – вон там, у лестницы, кредитная стойка. И любой взрослый сейчас просто взял бы себе кредит. У меня же нет паспорта.

– Кредит на мороженое? – Катя постаралась не рассмеяться.

– У людей разные потребности, – ничуть не смутился пацан. – Кто-то хочет чайник, кто-то подушку, а я эскимо.

– Я тоже хочу эскимо. Вот что, юноша, давай одно я тебе подарю. Без кредита. Например, в честь наступающего учебного года.

Трагично вздохнув, ребёнок обозначил этим своё отношение к учёбе и тут же протянул Кате руку.

– Сева. Не могу же я брать мороженое у незнакомой женщины.

– Катя.

Выйдя из торгового зала и разворачивая эскимо, Катя заинтересовалась:

– Не любишь школу?

Не то чтобы ей хотелось общаться с незнакомым мальчиком, но это немного оттягивало неминуемое наступление времени для подвига. Сесть на уютную скамеечку у стены, получить удовольствие от сладости и беседы... А уж потом в бой. Мимо сновали люди, и можно было быть уверенной – никто из них не испытывает к шопингу такого же отвращения, как она...

– Почему? Люблю. Но не во всех её проявлениях.

Ну да, речью ребёнок совсем не напоминал двоечника.

– И какие же проявления тебе наименее симпатичны?

– Точные науки, – прошепелявил Сева через продукцию местного хладокомбината, – я генетический брак.

Чуть не подавившись от подобного откровения, Катя уточнила, как это.

– Это когда у двух лиц с математическими способностями

рождается лицо без них.

– А ты значит, лицо без них?

– Напрочь, – кивнул Сева. – Сейчас мой бедный отец полагает, что я сижу у репетитора по математике и вспоминаю цифры к наступающему учебному году, а я вот тут, вымогаю еду. Вы не думайте, у меня были деньги, просто это пятое эскимо.

Не смеяться становилось всё сложнее... Пришлось сосредоточиться на мороженом. Сева поглощал его с таким удовольствием, что она скорее поверила бы, будто это не пятое за день, а первое за всё лето. Только что не жмурился от восторга.

– А репетитор не позвонит бедному отцу, раз ты не явился?

– Я же не идиот. Я грамотно ввёл обоих в заблуждение. Но это долго рассказывать.

– Потом всё равно выяснится. Тайное станет явным.

– Да и пусть. Понимаете, в меня не влезает столько математики. Это самозащита. Организм отторгает аллерген. А аллерген у каждого свой.

– Как и кредит... Перейдём на «ты»? – предложила Катя. Понятно, что проболтают они с мальчиком ещё некоторое время, а разница в их возрасте не так уж и велика. – И в какой класс идёт лицо без математических способностей?

– В пятый. А вы тут зачем? То есть ты. Неужели за мороженым?

– За личным аллергеном. Мне нужно купить платье для новой работы. Ненавижу покупать платья. Но устроилась в банк и теперь обязана.

– А... ну это я могу помочь.

К счастью, Катя уже доела свою порцию и сворачивала бумажку, чтобы отправить её в урну, иначе в этот раз точно подавилась бы. Интересно, чем в покупке платья ей поможет лохматый очкарик одиннадцати лет от роду. Максимум – двенадцати, если оставался на второй год из-за математической безнадёжности. Но это маловероятно.

– Пойдём, – вытерев руки о штаны, новый знакомый махнул ей куда-то в сторону магазинчиков и рванул туда, – я знаю, что тебе нужно!

И, затащив её в один из них, проинформировал:

– Вот.

Уставившись на стойку с платьями, Катя и сообразить ничего не успела, как пацан самоуверенно заявил оживившимся консультантам, что они выберут сами. Протянув руку к ценнику на одном изделии, услышала:

– Это тёмное, оно тебя состарит.

– Хам, – возмутилась Катя, – мне двадцать четыре года.

– В этом будет двадцать семь.

Ситуация перешла грань разумного, и Катя глубоко вдохнула. Приличная женщина сейчас должна была поступить только одним, самым правильным, способом – выгнать этого неравномерно развитого товарища из магазина, заявив, что

на мороженом их знакомство следует считать завершённым. О чём им вообще говорить, если она считает математику царицей наук, а обман бедных отцов и репетиторов – недостойным поведением. Вместо этого она пересмотрела ценники, сгребла со стойки несколько платьев живенькой расцветочки и отправилась в примерочную.

Её состарить – надо постараться, она выглядит куда моложе паспортного возраста и кое-где даже получает решительный отказ в продаже ей алкоголя.

Натянув на себя голубенькое платье в цветочек, лишний раз убедилась – девчонка девчонкой. Что в этом, что в тех брюках и футболке, в которых явилась сюда. Её как раз надо бы сделать посolidнее. Выбрать что-то темное. А может, красное?

– Мечта тореадора, – вздохнула, увидев себя в зеркале в красном.

И вышла из примерочной, чтобы всё-таки поискать что-то потемнее.

– Мне нравится, – немедленно сообщил Сева, до этого мирно взиравший в свой телефон. Телефон был довольно крутой, и Катя подумала – обманутый бедный отец не так уж и беден. – Люблю красное.

Подвиг превратился в цирк, но Катя нашла в себе силы взять ещё несколько моделей. А уже в примерочной подумала – фирма-производитель вроде ничего. Что это за компания – «Времена года» – Катя, разумеется, не знала, но что

она вообще знала о моде... Сшито прилично, ткань приятная, фасоны – на любой вкус, да и цена... Зная, что тебя ждёт стабильная работа в банке, можно позволить себе такую обновку. Опять же отпадает необходимость тащиться в другой магазин и продолжать неприятное занятие...

– Мне вот это, – заключила Катя, остановив выбор на зелёном платье.

Девушка-консультант понесла покупку к кассе, а Сева сказал:

– Двадцать шесть.

– У тебя плохо с математикой, – напомнила ему Катя. – И вообще, будешь так разговаривать с женщинами, никогда не женишься.

– Женюсь. На той, что не боится правды.

Ещё раз глянув в телефон, оптимистично настроенное на счёт будущего брака дитя поведало, что время занятий на исходе и пора ему отправляться домой, заодно поинтересовавшись, в какой банк устроилась Катя. Сообщив ему и название, и точный адрес абсолютно без задней мысли – зачем скрывать, какое удачное место она нашла? – Катя махнула Севе рукой. Ей ещё предстояло обзавестись туфлями. Глянув, как любитель эскимо исчезает в толпе на эскалаторе, улыбнулась. Хороший мальчик. Даже если не умеет сложить два и два, не пропадёт.

– А тебе, Жданов, – Татьяна Александровна положила Сева руку на плечо, и он вздрогнул. Не от страха, а от неожиданности. Не слышал, как она подкралась, потому что мучительно соображал – может ли ответом в уравнении являться икс, равный трёмстам двадцатичетырёмтысячным, и нельзя ли это ещё как-то сократить. – Тебе персонально я разрешаю срез доделать дома. В виде исключения.

Класс взвыл, только друг Артём повернулся и показал большой палец.

– Спасибо, Татьяна Александровна, – пробормотал Сева, заталкивая лист в рюкзак. Раздался звонок, и теперь им надо было перейти в другой кабинет, а не просто выскочить на перемену, побегать и вернуться обратно. В пятом классе всё здорово изменилось. Но ему повезло. Эта математичка проводила у них самостоятельные и контрольную в конце прошлого учебного года, выясняя уровень потенциальных учеников. И знала – на вступительном срезе он может только срезаться. Впрочем, всё было не так уж плохо. Из семи заданий в одном Сева был абсолютно уверен. И в одном – уверен частично. Ну почему бы иксу и не равняться трёмстам двадцатичетырёмтысячным, чего только не бывает в математике.

– Круто, – Артём стукнул его кулаком в спину, – дома тебе папа поможет, вместе и решите.

Настроение начало портиться. Нет, отец не предъявлял ему претензий, хотя и наверняка до сих пор удивлялся, как

можно не понимать простейших вещей. Как их может не понимать человек, у которого по остальным предметам практически все пятёрки. Но всё равно переживал. Достаточно вспомнить, как сегодня, высадив его у школы и отправляясь на работу, пожелал удачи. По голосу было понятно – ни в малейшую математическую удачу потомка он не верит. И знает, что будет дальше. Сева либо сразу явится с двойкой, и потом они будут её совместно исправлять – с папой, бабушкой или репетитором, – либо двойку ему не поставят, а будут ждать плодов общих усилий. Репетитор в конце августа говорил отцу, что не видит смысла в своей деятельности. Мол, зря вы тратите деньги, этот мальчик – редкий случай, и брать плату за его занятия неловко. Отец вздохнул и сказал: отказываться от его услуг они пока не будут – ведь и он и бабушка работают, порой им некогда выполнять за Севу домашние задания. А уж разжёвывать ему очевидное... пусть будет репетитор. Тому, что старенький Сергей Геннадьевич останется в его жизни, Сева обрадовался. Для него репетитор был не столько человеком, помогающим вычислять все эти иксы, сколько тем, кто даёт относительную свободу. До этого учебного года свободы у Севы не было. Утром папа вёз его в школу, и в школе он торчал до вечера – сначала уроки, потом продлёнка, а с математикой ему помогала его же учительница. После продлёнки он шёл на футбол в школьном спортзале, а потом мог бы и сам вернуться домой, но бабушка была категорически против – нечего такому малень-

кому ребёнку делать одному на улице, и когда папа не успевал его забрать, встречала сама. В выходные Сева либо сидел с папой дома, либо, когда у того было подходящее настроение, они отправлялись кататься на великах, гулять в парке, а то и ехали смотреть футбольный матч или интересное кино. Если папа работал и в субботу, и в воскресенье, а такое порой случалось, бабушка брала всё в свои руки. Тогда развлекательная программа становилась скорее культурной – вместо «жуткого футбола» и «бессмысленных боевиков» продвинутая бабушка тащила Севу в какой-нибудь музей или иное, но непременно обогащающее детскую душу мероприятие. Сева был не против, порой нечто культурное нравилось ему не меньше, чем футбольный матч. Если же не нравилось, он знал – это ненадолго, и проще потерпеть и не огорчать бабушку, которая так старается вырастить его более развитым, чем у неё получилось с его отцом... Летом Севу передавали из рук в руки: сначала отпуск с папой на море, потом отпуск с бабушкой, обязательно в каком-нибудь санатории, потому что бабушка считала, что за учебный год любой школьник наживает себе кучу проблем, с которыми может справиться только усиленное питание и всякие мерзкие процедуры. И, наконец, третий сезон, самый долгожданный, – загородный лагерь. Такое устойчивое расписание предполагало самостоятельность лишь на уровне выбора – погреть себе еду в микроволновке, если взрослым некогда, или есть суп холодным, а также принятия решения, какую книжку почитать, сделав

уроки. Можно было ещё сходить в гости к Артёму и побеситься там вдвоём или привести Артёма к себе. Ничего другого позволить себе Сева не мог.

Но в этом году всё пошло не так. Сначала они, как обычно, слетали в отпуск с папой, а вот лагерь случился в июле, а не в августе. В августе же выяснилось, что бабушка уезжает в отпуск одна. Это было очень странно. Сева думал, что теперь его так или иначе прикрепят к деду, но дед укатил в командировку чуть ли не в тот же день, в который испарилась бабушка. И они с папой остались вдвоём. Вдохнув и сообщив, что он в одиннадцать лет мотался с ключом на шее по всей Москве, так что и Севе это вполне по силам, да и пора уже взрослеть, папа нашёл ему старичка-репетитора в двух остановках от дома. И мир вдруг открылся с неожиданной стороны. Да, папа периодически звонил Севе спросить, где он находится, дошёл ли, вернулся ли, чем занимается в данную минуту, но это только в самые первые дни. Потом ему стало некогда, и телефонный контроль почти прекратился. Можно было гулять, шататься по торговым центрам, часами играть в компьютерные игры, прыгать в одежде в фонтан в соседнем парке и вообще творить что вздумается. Конечно, теперь наступил учебный год и всё станет не так просто, но... В продлёнку пятиклассников не брали. Поэтому между уроками и футболом образовалась отличная пауза, когда папа и бабушка с дедом к тому же на работе. Бабушка постонала, но совсем не так активно, как от неё можно было ожидать,

и отныне Сева имел личное время, когда за ним никто не присматривает. В августе он ездил к репетитору ежедневно, теперь же – через день. Кстати, сегодня – не должен был. А значит, срез нужно будет делать дома. Лишний раз показать свою никчёмность и заставить папу вздохнуть. Даже если вздыхает тот почти незаметно...

Начался урок истории, а Сева всё думал о математике. Почему бы не преподавать её не всем подряд, а лишь тем, кому она в самом деле доступна и нравится? Всяким там финансистам, сотрудникам банков... Подумав о банке, вспомнил о своём августовском знакомстве. Как в торговом центре некая тётенька по имени Катя купила ему эскимо. Хотя правильнее было называть её девушкой. На этот счёт его посещали противоречивые мысли. С одной стороны, с двумя хвостиками и без косметики на лице она выглядела как девушка, с другой стороны, сама сказала – ей двадцать четыре года. А это уже очень солидный возраст. Но... она не могла выбрать себе платье, а солидные женщины умеют это без посторонней помощи. И не просто не могла, но и не любила покупать одежду. Это нетипично. Возможно, она тоже какой-нибудь хитрый выверт природы, как и он сам. Но, наверное, с математикой у неё полнейший порядок.

Почувствовав во рту странный вкус, Сева понял – разгрыз очередной карандаш. На математике карандаши истреблялись партиями, но вот грызть на истории... Да ещё понятия не имея, о чём сейчас говорит учительница... Проведя язы-

ком по губам, поднял руку. Ему нужно выйти, попить воды из кулера в коридоре.

Наливая воду, уже понимал – Катя, математика, его срез и то, что он, как ни странно, прекрасно помнит не только название, но и адрес её банка, как-то совмещаются. Как пазл. По отдельности – невнятные кусочки, а вместе – целая и правильная картинка.

– Вот что, друг, – сказал он Артёму после уроков, – мне нужно съездить в одно место. Но я будто бы у тебя. И якобы мы с тобой пошли во двор играть в футбол.

– Будто бы, якобы, – Артём засмеялся, – Жданов, ты так шифруешься, словно продался японской разведке.

– У меня свидание, – сказал он. Пусть Артём прекратит бессмысленный ржач и задумается.

Тот и правда замолчал и даже как-то завис.

– Врёшь.

– Чистая правда. Её зовут Катя, и мне срочно надо к ней.

В школьной библиотеке, разыскав в интернете на карте города Катин банк, порадовался – не так уж далеко, а главное – ни одной пересадки. Садись себе в автобус или маршрутку и езжай. Пожалуй, времени, которое он в состоянии пробежать в Тёмкином дворе, ему хватит на поездку в оба конца. Ну а его срез Катя, разумеется, прорешает мгновенно. Не зря же её приняли в банк! Можно оставить одно задание невыполненным, иначе папа не поверит во вдруг случившееся чудо. Узнав же, что Сева одолел аж шесть, непременно возгордит-

ся его проснувшимися способностями.

Катю окликнули, когда она читала письмо от Толи Семёнова. Тот нашёл очередного клиента, оценившего его способности по достоинству, и спешил поделиться этой новостью с единственной подругой. На электронный адрес Кати за день приходил минимум десяток писем от Толи. То он приглашал вместе поразмыслить над какой-нибудь проблемой, только что пришедшей в его светлую голову, то, как сейчас, сообщал новости о работе, то вообще писал ерунду. Вроде такой: встал включить чайник, глянул в окно, а там дождь. И теперь счастлив, что ему не надо, как Катьке, пилить в офис, ещё и в туфлях на каблуке, а можно жить в тепле и уюте возле компа. Всё-таки иметь работу за пределами собственной квартиры не так уж удобно. Тогда Катя улыбалась, вспоминая, насколько друг не любит выбираться на улицу. Он, лучший студент курса, легко отказался от стажировки в Германии только потому, что пришлось бы ехать чёрт знает куда, общаться там с новыми людьми, терять массу времени и энергии... Зачем? Если можно развиваться, не поднимаясь со стула, и так же, почти не шевелясь, находить заказчиков на бизнес-планы, проекты и аналитические справки. Первых клиентов Толе подкинул их же преподаватель, а дальше способного молодого экономиста передавали из рук в руки, и без работы Толя не оставался никогда. Ему даже прилично

платили, хотя этот вопрос интересовал гения меньше всего, и порой, видя увлекательный проект, он был готов ввязаться в него практически безвозмездно. Сейчас Семёнов пребывал в полнейшей нирване. Университет, напрягающий необходимостью регулярных посещений, давно позади, ужасная школа – тем более. Живи в собственном режиме да радуйся. Кате такая жизнь не подходила. Она, как и Толя, была не особенно компанейской, не нуждалась в большом количестве друзей, но и запереться в четырёх стенах с чайником и тарелкой бутербродов была не готова.

– Верховцева, у тебя знакомые дети есть? – спросил Максим, молодой специалист из операционного зала. – Там пришёл какой-то мальчик, утверждает, что ему нужна Катя двадцати четырёх лет от роду, предположительно в зелёном платье. Показал ему Катьку Иванову – не подошла. Потом вспомнил – Верховцева Екатерина Васильевна, вроде иногда бывает в зелёном.

Сейчас на Кате были юбка и блузка, но она, конечно, догадалась, что за мальчик столь точно может назвать её возраст и предположить цвет одежды.

– Да, этот мальчик ко мне, – сказала она, закрывая Толино письмо, – ответит позже. – Пусть подождёт, я сейчас выйду.

Обеденный перерыв уже прошёл, и Катя на обед не уходила – были важные клиенты, теперь же начальник сказал, что она может отлучиться на полчаса. Большого желания идти в кафе напротив банка Катя не испытывала, вот и открыла

электронную почту. Но раз Сева явился, значит, ему что-то нужно – и отлично, она имеет право как раз сейчас выйти на улицу.

Юный знакомый стоял в углу операционного зала и зачем-то тыкал пальцем в грунт в кадке большого фикуса. Выглядел Сева на этот раз крайне солидно – в костюме и даже при галстукe с эмблемой какой-то школы. Манжеты белой рубашки выступали из-под рукавов пиджака, и правый сейчас елозил по земле вслед за движениями пальца. Видимо, рубашку родители приобрели на вырост и уж точно больше размером, чем пиджак.

– Он полит, не волнуйся, – сказала Катя о фикусе. Вдруг Сева переживает за судьбу зелёных насаждений. – Привет.

– Привет, – оторвавшись от растения, Сева заулыбался, – извини, я не знал твою фамилию, но у вас тут, оказывается, не так уж много Кать.

Замолчал, но сразу же вспомнил главное.

– Я по делу!

– За кредитом?

– Если бы... Где поговорим?

Катя огляделась и решила – разумно пойти в кафе. Выпить кофе с бутербродом и выслушать, что за вопрос у визитёра.

– Кафешка... – перейдя вместе с Катей дорогу, Сева кивнул, – хорошее место, стол тут есть, и знаешь, я могу тебя угостить. На кофе и пирожное мне денег хватит. Даже на нас

двоих.

– А стол нам зачем?

– Вот, – заняв место у окна, Сева взгромоздил на колени школьный рюкзак, порылся там и вытащил изрядно помятый лист с печатными заданиями на нём, – срез. Я честно пытался, но не сумел. Ты можешь спасти меня от двойки. И главное – от позора.

– То есть ты предлагаешь мне выполнить работу по математике за пятый класс и готов оплатить её пирожным? – спросила Катя серьёзно. Кто их знает, современных детишек, что им может прийти в голову.

– Нет, – Сева поставил рюкзак на пол, стащил очки, выдернул из штанов подол рубахи и принялся протирать стёкла, – я понимаю, что ты можешь отказаться. Но пирожным всё равно угощу.

– И кофе, – вздохнула Катя.

Всё-таки она настолько не педагог, что даже не представляет, что делать в таких ситуациях. Сказать, чтобы решал сам? Но он наверняка старался и сделал всё возможное. И уже настроен получить эту двойку и прилагающуюся нотацию от родителей. Вспомнив слова про генетический брак, подумала – не сам же он так формулирует, скорее всего, его обозвали дома. Бедный ребёнок, наверное, это ужасно – не уметь чего-то, что умеют все в твоей семье.

Лист был исписан полнейшим бредом, цифры менялись как попало, плюс легко превращался в минус, но попыток

решения было предпринято столько, что на правильное даже не осталось места.

– Нужен чистый листок, – сказала Катя.

Обрадованный Сева тут же извлёк из рюкзака тетрадь, выдернул из неё страницу и, подсунув Кате, углубился в изучение цен на кофе.

– Мне кофе со сливками, пирожное любое, кроме медового, выбери сам.

На обложке пострадавшей тетради Катя прочла: «Жданов Всеволод, 5 В класс». Номер школы этот Всеволод написал весьма неразборчиво...

В какой школе учиться и где проживает математически безнадёжное дитя, Катя выяснила во время второго его визита, случившегося через неделю после первого. Оказалось, что между домами Кати и этого пятиклассника пятнадцать минут неторопливой ходьбы. Тогда же в голову Кати пришла очень умная мысль. Зачем ребёнку ехать в транспорте к ней на работу, где она к тому же бывает очень занята, если ему куда проще дойти до Семёнова...

Услышав, что она уже дважды сделала за Севу его домашнее задание, Семёнов поднял глаза к потолку и печально вздохнул. Вздох означал – Катя, так нельзя, ты поступаешь неправильно.

– Ты могла бы просто подсказать ему, как это делается. И пусть бы решал сам!

– Толя... – Катя поискала аналогию, доступную другу, –

помнишь, как в первом классе тебя били Лёшка с Сашкой? Считаешь, что мне не стоило давать им по башке портфелем, а надо было учить тебя драться?

Семёнов смутился. Безусловно, история, когда девочка защищает мальчика и делает это систематически все школьные годы, никого не украшает. Но в смысле физического отпора противникам Толя был уникально необучаем, а Катя, которой папа ещё в детском саду показывал разные приёмы, не считала зазорным вступить за умного мальчика в очках. Ведь всем ясно – эту голову лучше не сотрясать, и только такие дебилы, как Лёшка с Сашкой, не могут понять очевидного...

– Ладно, пускай приходит. Но решать за него я не буду. Научу. Не может существовать ребёнка, который не в состоянии одолеть задачки за пятый класс. Он же не умственно отсталый.

– Нет, он очень умный, – заверила Семёнова Катя, – просто своеобразный.

Домой она уходила под бодрые возгласы друга, что даже зайца можно научить курить, а уравнения с одним неизвестным доступны и самому убогому интеллекту...

Вечером того дня, когда Толя впервые имел счастье поработать репетитором, Катя застала его в необычном для него месте – на кухне. Семёнов меланхолично жевал пирожок. Пирожки Толина мама пекла часто и в огромных количествах, и у Кати с Толей даже возник натуральный обмен –

Катя приносила Семёновым йогурты и творожки, покупаемые её мамой по специальной цене для сотрудников молокозавода, а домой уносила пакет с вкусной выпечкой. Есть пирожки, запивая их йогуртом, Толя мог целыми днями, вот только делал он это у компьютера. Сейчас же, заглянув в комнату, Катя обнаружила чёрный экран – монитор перешёл в энергосберегающий режим, значит, Толя не прикасался к клавиатуре минимум пятнадцать минут.

– Толь, что случилось?

– Ты тут откуда? – внезапно прозрел Семёнов.

– Дёрнула дверь – открыто, я зашла.

– Он заснул, – загадочно пробормотал друг, – просто заснул. А я так интересно объяснял. погоди, сейчас покажу.

Пометавшись по кухне, потом по комнате, развёл руками.

– А листки забрал. Но, Катя... ты права...

– Мы сейчас говорим о Севе?

– Да, о нём. О твоём новом друге, на которого ты променяла меня.

Катя хмыкнула. Знакомство с Севой исчерпывалось тремя встречами, на одной она кормила его мороженым, на второй он её – пирожным, на третьей каждый платил за себя. Кажется, для дружбы этого маловато. Хотя, безусловно, пацан был ей очень симпатичен, ну а как может быть не симпатичен хорошо развитый воспитанный мальчик с обаятельной улыбкой...

– Ты права, он редкий ребёнок. Заснуть на моих объясне-

ниях...

Стало смешно.

– Если кто-то спит на твоих объяснениях, значит, ты уныло объясняешь, только и всего.

Но Семёнов её не слушал. Он принялся ходить по кухне – два шага в одну сторону, два в другую – и задумчиво чесать подбородок.

– Я понял, это от психотравмы!

– От какой ещё психотравмы?

– У него же мать умерла. Эх ты, подруга, а не знаешь.

Усевшись напротив Кати, Толя поведал, что, разбудив вырубившееся над учебником создание, он как гостеприимный человек поинтересовался – не хочет ли Сева чаю с пирожками. Или предпочтёт пойти домой к маминому супу. Например, сам Толя суп может есть только мамин, и даже тот, что готовит Катина родительница, кажется ему не таким, как нужно. Вдруг Сева такой же. На это мальчик сообщил, что пирожки любит, а мамы у него нет с шести лет. Есть только отец и бабушка с дедом.

– Вот я и думаю – стресс, что-то нарушилось в голове, и вот...

– Хочешь сказать, что в детском саду он был первый по математике? – усомнилась Катя.

– Психика – очень тонкая вещь.

– Толенька, а давай ты попробуешь меньше занудствовать? Ты же наверняка увидел примитивное уравнение, а от

него понёсся и доскакал до начал анализа. Тут и я бы уснула, без всякой психотравмы. Ты помни – перед тобой ребёнок.

– Да? Ну я попробую. Надо как-то иначе. Неужели я – да не смогу?

– Ты всё сможешь.

Пирожки на этот раз оказались с картошкой. Катя налила себе чай и загрустила. Вот почему мальчик болтался один в торговом центре и почему он так свободно ездит в банк или ходит к Семёнову. Не очень-то за ним следят. Предок заплатил репетитору и ждёт результатов, а ответственное дитя результаты показать не может и мучается. Ещё и испытывает чувство вины оттого, что его «бедный отец» не видит в дневнике пятёрок. Это же так по-взрослому – вызывать у детей вину, будто они по умолчанию должны быть идеальными или как минимум не менее способными, чем ты сам... Грусть трансформировалась в раздражение. Надо же... называть генетическим браком такого чудесного мальчика. Да, Катя видела его всего трижды, но может поручиться – это прекрасный ребёнок, из которого вырастет замечательный человек. Даже без точных наук!

Гордо положив перед собой дневник с четвёркой, Сева ещё минуту на неё любовался. Это ведь четвёрка по математике. Получи он такую же оценку по русскому языку – и не заметил бы, по литературе или английскому – расстроился.

Но математика...

– Признавайся, – Артём уселся на подоконник, на котором Сева и открыл дневник, – как тебе это удаётся?

– Японцы помогают мне как их разведчику, – уклончиво ответил Сева.

– Если не скажешь, я больше не буду тебя прикрывать, – надулся друг. – Не может такого быть, чтобы вечно два – и сразу почти всегда четыре!

– Ладно, расскажу, только завтра, сейчас уже опаздываю.

– Завтра на футболе, – Артём протянул ему руку. – В раздевалке всё и объяснишь. Подробно!

– Да.

Вытащив телефон, Сева позвонил отцу и сообщил, что Сергей Геннадьевич заболел и поэтому он пойдёт к Тёмке. На этот раз болезнь репетитора была чистой правдой. Просто он не дозвонился утром папе и позвонил самому Севе. Да, Сева сделает у друга уроки на черновик и погуляет в его дворе.

– Я сегодня вернусь пораньше. Может, тебя забрать от Тёмки?

– Нет, я сам. Ты же говорил – пора взрослеть.

Папа засмеялся, обозначая отношение к взрослению методом самостоятельного преодоления пары сотен метров между дворами, и сбросил звонок. Судя по звукам, у него, как обычно, было или совещание, или встреча, или внеплановый дурдом.

Выходя на крыльцо школы, Сева начал обдумывать – как изложить Артёму правду так, чтобы она звучала не слишком глупо или недостойно. Ведь он сам прекрасно понимал – четвёрки эти незаслуженные. Заработанные не им, а Катиным другом Анатолием. В первый визит Сева был даже немного напуган мощностью мозга этого Анатолия. Катин друг открыл его учебник, вытащил откуда-то ворох листов и красным карандашом принялся заполнять эти листы уравнениями. Попутно он вещал о каких-то аналогиях, о какой-то базе, потом о роли математики в целом и строчил, строчил, строчил. А спрашивая – ты понимаешь? – обращался не к Севе, а к листам с цифрами. Поэтому Сева сначала кивал, потом зевал, а затем услышал вопрос – не хочет ли он пирожков? – и понял, что заснул. Заснуть днём ему не удавалось лет с четырёх, даже в детском саду он обычно просто тихо лежал в кровати и сочинял какие-нибудь истории про собачек, лошадок, а чуть позже – про драконов. Если лежать с закрытыми глазами и представлять всё это, можно даже будто видеть собственноручно созданный мультфильм или сказку. А тут надо же... На пирожки Сева согласился, а когда Анатолий отбыл на кухню, вдруг понял – тот в увлечении прорешал ему добрый десяток страниц учебника. Оставить эти листочки кучкой на столе было бы крайней глупостью. Собрав всё, он положил в рюкзак, а дома, взяв чистую тетрадь, принялся переписывать то, что решил Анатолий. Это же неслыханное богатство! Несколько домашних и классных работ вперёд!

Вот скажет Татьяна Александровна – решаем примеры под номером восемьдесят четыре. А он откроет эту тетрадку и незаметно перепишет. Даже не нужно делать всё верно, достаточно оставить пару ошибок, как он тогда поступил и со срезом. Пять заданий списал у Кати, два решения оставил своих... Углубившись в процесс переписывания и стараясь не спутать цифры, он не заметил, как подошёл папа. А тот сказал: Севка, тебе не кажется – что-то не так? И ткнул пальцем в тетрадку. Да, она была в линеечку... Тем не менее эта тетрадь его так выручала в последние дни... Но вот как это объяснить Артёму, чтобы не показаться дураком? И, наверное, надо будет поделиться с ним решениями. Правда, Тёмка и сам может на четвёрку...

После той продуктивной встречи Сева был у Анатолия ещё три раза. Но уже без такой добычи в финале. Теперь Анатолий брал одну-две задачи и пытался их объяснить разными способами. Или начинал проверять, в чём у Севы проблема, спрашивая – например, у тебя сто рублей, хватит ли тебе их на мороженое за сорок? А на сколько порций? И поражался, что деньги и цены Сева соотносит успешно. А вот разделить сто на сорок на бумаге способен далеко не сразу. Но и без добычи и особого смысла Сева ходил к Анатолию с удовольствием. Они были хорошие – и Анатолий и Катя, и с ними было весело. К тому же – вдруг он что-то поймёт, ранее недоступное. Или Анатолий решит ему ещё десять страниц.

– Я понял, – сказал Анатолий, открывая Севе дверь, –

цифры для тебя как китайцы, все на одно лицо. Ты не осознаёшь их содержание.

Здороваться он всегда забывал.

– И у меня есть идея.

Ухватив Севу за руку и втащив в комнату, Анатолий рассыпал по полу набор кирпичиков «лего».

– Хорошо, что доставка успела раньше тебя. Итак, это «лего».

– У меня дома есть «лего», – сказал Сева.

Набор был неинтересный – просто детали. Без схемы.

– Такого у тебя точно нет. Это не кирпичики, это цифры, – сообщил Анатолий. – И из них мы будем строить примеры. Улица примеров, город уравнений. По-моему, это интересно. Правда, на город набора не хватит, надо будет купить ещё. Есть хочешь? Поедим – и в путь.

После еды Сева понял, что набор без схемы – не так уж и плохо, а вскоре забыл обо всём на свете. Он и не предполагал, что скучный пример номер девяносто три из учебника математики можно превратить в увлекательную сказочную историю с постройкой замка и победой над драконом. И что единицу можно представлять маленьким кирпичиком от конструктора, знак плюс – построить, минус – разрушить или захватить. И когда это не просто чёрточка или перечёркнутая чёрточка – спутать их куда сложнее. Никто не путает постройку с демонтажом...

В дверь позвонили, когда Сева лежал на животе и акку-

ратно задвигал башню под диван. Диван был множеством, башня – конкретным числом. Несомненно, в множество она пролезала.

– Привет, – сказала Катя. – А вы играете?

– Мы учимся, – заявил Анатолий.

– Ничего себе, как долго.

И тут же пришла ещё и мама Анатолия. Стало ясно – уже вечер, они забыли посмотреть на часы, и Севе давно пора быть дома. Вытащив из кармана куртки телефон, он увидел погасший экран – телефон разрядился. А ведь папа обещал прийти пораньше. Наверное, пришёл и думает – где Сева, почему он не вернулся от Тёмки? А то и позвонил Тёмке, и смог ли тот что-то качественно соврать? Натягивая куртку, Сева уже знал ответ – друг не сможет. Он сам умел врать хорошо, и хоть врал редко, практически не попадался, у Артёма же «я вру» было написано на лбу. Хотя по телефону лба не видать, но надежда на то, что никто ничего не заметил и папа его ещё не потерял, была слабая.

– Я тебя провожу, – сказала Катя, наверное, почувствовав, что теперь он волнуется. – Всё объясню. К тому же, мне кажется, если ты и дальше будешь ходить к Толе, твоему папе стоит об этом знать. Куда проще, когда всё происходит открыто.

– Ну да, – вздохнул Сева.

Зря Катя была так оптимистична. Папа может запросто сказать – Анатолий не репетитор по математике, а чёрт зна-

ет кто, так что нечего маяться дурью, нужно продолжать ходить к Сергею Геннадьевичу. Хотя... он же видел в последнее время четвёрки, и не только за домашнее задание, но и за классные работы. И понятия не имеет, что в классе Севу выручает тетрадка в линеечку. Может, решит, что его повысившаяся успеваемость – от Катиной помощи. И разрешит им общаться...

На улице дул противный ветер, и Катя подняла Севе воротник. Молча, одним движением. Бабушка бы сказала – подними воротник – или спросила, почему он в такую погоду не додумывается надеть шарф, папа бы ничего не заметил, потому что сам вечно ходит расстёгнутый. Сева взял Катю за руку. Несolidно, конечно, в его возрасте, но он правда разволновался...

– Абонент недоступен... Уши оторвать этому абоненту, – проворчал Алексей, бросая телефон на стол. Калинкин напротив довольно улыбался. – Чего сияешь?

– Максимыч, отцепись от пацана, – сказал Ромка, – подумаешь, телефон разрядился. Мне вообще мучительно жаль их поколение. Вот мы бегали где хотели, и никто нас звонками из карманов не раздражал.

– Он эту модель просил с зимы. Мечтал, даже врал, будто вылезет на трояк по математике, лишь бы ему на выпускной из четвёртого подарили именно такой телефон.

– А по математике у него трояк. Так что всё логично.

– Нарисованный, – сказал Алексей, – но не в этом дело.

Когда полгода чего-то хочешь, неплохо бы этим чем-то пользоваться или хотя бы держать заряженным.

– Расслабься, президент, – посоветовал Ромка, – поезжай домой и увидишь – просто один девайс забыт ради другого. Уткнулся твой наследник в компьютер, и ему не до телефонов. Может, ты полагаешь, Всеволод Алексеич курит в гаражах или пошёл по бабам?

– Очень смешно.

– Ну ладно, он не пошёл, а я пошёл. Повторяю – отцепись от пацана, душитель свободы.

Проследив, как за Ромкой закрылась дверь, Алексей сложил в стопку документы на столе. Собирался поработать ещё полчаса, но теперь не станет. Все разбежались, и даже отец, его заместитель, которому пристало быть на месте, пока президент не отпустит, исчез чуть ли не сразу после обеда. А ведь скоро показ новой коллекции. Наверное, дело в возрасте – когда тебе стукнуло шестьдесят, работать хочется всё меньше. Или в том, что папа всё-таки привык быть главным, руководить и командовать, и вот три года назад президентом выбрали не его, а Алексея, да ещё решающий голос был за мамой. Пусть они давно развелись и часто грызлись на работе, папа наверняка надеялся, что уж в этом вопросе может положиться на бывшую жену. А она выбрала сына с его новаторским бизнес-планом. Сначала отец рвал и метал, и не

вылезал из офиса круглосуточно: ну как Алексей ошибётся – тогда он спасёт компанию и, возможно, вернёт себе кресло президента. Но Алексей не ошибался, план его реализовывался, прибыли росли, и к этой весне Жданов-старший потерял надежду снова стать главным во «Временах года». А раз надежды нет, к чему напрягаться, пусть пашет молодёжь. Расслабленной отца теперь работала только мама – у той непредвиденный заскок случился летом. Сначала она заявила, что достаточно накаталась по санаториям с Севкой и пора ей заняться своим здоровьем и личной жизнью, а Севку можно отправить в санаторий и одного, мало ли подобных заведений принимают детей без сопровождающего. Вернувшись же из отпуска, сократила свой рабочий день наполовину и всё чаще поговаривала о пенсии. Зачем ей столько свободного времени и что она станет делать на пенсии – понять было сложно. Во всяком случае, из офиса мама ехала не за внуком. Впрочем, задумываться о странностях поведения родителей Алексею было абсолютно некогда. Маме вообще стоило поставить памятник, ведь она провозилась с Севкой целых пять лет, а в первый год президентства Алексея ребёнок полностью был на ней. Алексей тогда порой даже ночевал в офисе. Теперь самые сложные времена позади, и если родителям хочется заняться здоровьем и личной жизнью – пусть реализуют все свои желания. Компания работает как часы, да и сын уже не малыш, а пятиклассник...

Ещё раз набрав номер, убедился – телефон пятиклассник

так и не зарядил. Скорее всего, он и не дома, а бежит во дворе своего друга Артёма. Курить за гаражами они ещё не способны, так что просто пинают мячик или прыгают, как обезьяны, по железным горкам и лестницам. По такой погоде только активное движение и спасает от холода. Рома Калинин прав – не стоит трезвонить, нужно просто поехать домой. А дурацкая привычка к регулярным звонкам, выдрессированная в нём мамой, возможно, излишня. Севка уже большой и довольно самостоятельный. Во всяком случае, на это Алексей понадеялся летом, когда встал вопрос – куда девать ребёнка в августе. Против санатория сын категорически возражал, и Алексей понимал его – приятного в таких местах маловато. Ну а куда тогда? Торчать в офисе? Глупо. Сидеть, не выходя из дома? Ещё глупее. Наконец Алексей додумался до репетитора, и чтобы не он ходил к Севке домой, а Севка ездил к нему. И недалеко, чтобы это было достаточно безопасно, и чтобы сыну всё-таки надо было выходить на улицу, принимать какие-то решения – поехать на автобусе или пойти пешком, во сколько выйти, чтобы не опоздать. Анализировать прочие мелочи, не приходящие в голову ребёнку, которого ведёт за руку бабушка или везёт на машине папа. Да и математика Севке была крайне необходима. Глядишь, позанимавшись, в сентябре он не спутает два и восемь. Кстати пришлось и отсутствие бабушки, способной начать причитания о том, что одиннадцать – нежный возраст, свобода в таком возрасте только во вред, и не надо Алек-

сею равняться на свою вынужденную детскую самостоятельность, ведь в советское время действительность была другая. Эксперимент прошёл прекрасно. Конечно, Севка быстро нащупал выгоду своего нового положения и иногда отцу врал. Впервые это произошло через несколько дней бесконтрольности – вернувшись с работы, Алексей обнаружил Севкины футболку и шорты на балконе. Сын сказал, что решил постирать их. Ни малейшего запаха порошка или мыла от вещей не исходило, и Алексей понял – стирка случилась прямо на детском организме и непосредственно в фонтане по соседству. Но сообщать сыну о своём открытии не стал. Все дети порой врут. Ещё пару раз Алексей не был уверен, что Сергей Геннадьевич на самом деле отменил занятия. Скорее перенапрягшийся Севка отменил их сам. Но и тут вмешиваться не посчитал нужным. Прогулы были не систематическими и семейных разборок не стоили. Вообще, он полагал, что август они пережили отлично. Ребёнок, до того постоянно находившийся на глазах взрослых, от свободы не одурел и глупостей не совершал. Немного расширил территорию, на которой можно гулять, немного больше слопал мороженого, чем позволила бы ему бабушка, опасаясь возвращения ангин, которые Севка давно перерос, один раз переиграл в компьютер до головной боли и уяснил собственную норму подобных развлечений... Осенью встал вопрос, куда пристроить ребёнка в отсутствие группы продлённого дня. Мама заявила, что она сидеть с внуком не сможет, но видит

выход – платная продлёнка в соседней гимназии, где берут и пятый и шестой класс. Однако Алексей сказал – нет. Он не находит в этом смысла. Севка прекрасно сможет ездить к Сергею Геннадьевичу в понедельник, среду и пятницу, и этого вполне хватит, чтобы самому Алексею с его математикой не связываться. Вечером вторника и четверга в школе работает футбольная секция, а всё остальное время у ребёнка займут компьютер, уроки по другим предметам и книжки, которые он поглощает с большим удовольствием. Зачем ему тащиться в чужую гимназию и сидеть там среди незнакомых детей? Ради вменяемого обеда? Севка точно сможет разогреть себе суп и котлеты, которыми мама Алексея их обеспечивала несмотря на вдруг обострившиеся проблемы со здоровьем и появившуюся жажду личной жизни. А не разогреет – от холодной котлеты ещё никто не умирал...

На улице порыв ветра пронёс мимо ног Алексея пустой пакет и ворох осенних листьев. Пожалуй, Калинин прав – один девайс променян на другой. Алексей в детстве был готов бегать за мячиком часами, но в такую погоду воздержался бы. Сидит сейчас Севка дома, уткнувшись в монитор. Услышит ключ в замке – понесётся навстречу. Возможно, даже с тетрадкой по математике. А в ней, чего доброго, четвёрка. Всё-таки этот Сергей Геннадьевич гений, в августе говорил – ребёнок безнадёжен, а уже в октябре в дневнике у Севки не одни только двойки. Это у него-то, способного взять на математику тетрадь в линейку и не видеть в этом

ничего особенного...

Задумавшись об оценках, Алексей, как обычно, почувствовал досаду. Не из-за того, что есть нечто недоступное его сыну. Все люди разные, самому Алексею в школе не давались сочинения, и к восьмому классу он, пожалуй, писал их куда хуже, чем Севка строчил уже во втором. Он расстраивался потому, что начинал видеть – подошёл к концу период, когда ребёнок безоглядно доверяет родителям и, если они не находят в его особенностях ничего страшного, не находит и он. С раннего Севкиного детства, лишь только стало ясно – сын не во всём соответствует нормам из садовских методичек, – они с женой Олей выработали стратегию: не давать ему это понять. Все растут по-особенному, у каждого свой темп развития. Наверняка в мозгу ребёнка, который не может определиться, какая кучка кубиков больше – где их три или где четыре, – просто что-то не созрело. Созреет позже, не может не созреть. Ни один взрослый не путает три и четыре яблока. Точнее, таких взрослых очень мало. И ни в родне Алексея, ни среди родственников Ольги, с которыми у них были напряжённые отношения, людей с отклонениями не было. Все обычные, среднестатистические. Так что они решили ждать, а пока сын растёт, защищать его от воспитателей и прочих взрослых, норовящих сказать нечто вроде «ну ты, Жданов, и бестолочь». И, конечно, заниматься с ним. Алексей помнил, как каждая прогулка превращалась в квест – сосчитай листики, палочки. Один тут голубь или два? А сколько я тебе

даю конфет? А если дать тебе пять рублей, сможешь купить одну жвачку за четыре? Он не знал, постоянные ли повторения, естественные ли процессы в Севкиной голове всё-таки вывели его на определённый уровень. В количестве конфет перед носом и рублей в кармане Севка к школе путаться перестал. С цифрами на бумаге чуда не произошло. Сын их запомнил, но действия с ними вводили его в ступор. Наверное, надо было ждать следующего этапа. Когда регулярные занятия математикой или природа снова продвинут сына вперёд и, записав пример, Севка не переставит цифры в числе, даже этого не заметив, и не сменит на ходу плюс на минус. Алексей был готов ждать сколько понадобится, но, кажется, сын теперь рассуждал иначе. Потомка стало задевать, что домашние задания он делает не самостоятельно и что в классе любой может посмеяться над бредом в его тетрадке. Конечно, он не явился и не сказал Алексею – папа, я такой дурак и переживаю это, – но не заметить было трудно. А что теперь делать, Алексей не знал. Сказать, что всё пустяки и живут люди без всякой математики? Сказано много раз. Просто пожалеть? Но ведь на самом деле Алексею сына не жаль. Странно жалеть здорового умного мальчика с небольшими особенностями. В этом вопросе куда лучше разобралась бы Оля... Пожалуй, ему оставалось только признать – сын вырос и начинает испытывать дискомфорт от своих проблем. И с этим ничего не поделаешь.

Дверь в квартиру Алексей открывал с мыслью – у всех

подростков непременно находится повод для комплексов. Не прыщи – так неумение кататься на велике, не велик – так математика. Конечно, подростком Севку назвать пока сложно, но вот-вот он им станет, и этот дурацкий возраст им придётся как-то пережить. Стоит лишь надеяться, что без больших неприятностей.

– Я дома, – сообщил он громко. Для тех, кто через наушники не слышит поворот ключа в замке.

Севки не было, и даже свет нигде не горел. Алексейглянул на часы – начало восьмого. Молодец, забежался во дворе Артёма и всё на свете позабыл. Поразмышляв – то ли остаться дома, а когда сын вернётся, высказать, что он думает о рассеянных мальчиках, то ли пойти встречать этого мальчи-ка, – решил пойти. Вдруг захотелось чего-нибудь сладкого – конфет или печенья, а дома такие вещи не залёживались. Сколько ни покупай, запаса не создашь, да ещё вызовешь на свою голову материнские вопли – своих зубов не жалко, так ребёнка пожалей, проведёт потом половину жизни в кресле стоматолога и проклянёт тебя, никудышного отца. В вопросе кариеса Алексей не так уж верил в пагубную роль шоколада, считая, что всё упирается в наследственность и раннее детство, а коль зубы крепкие – жуй сладкое хоть круглосуточно, но спорить с мамой о том, в чём она железно уверена, себе дороже. Так что сейчас выпить чаю было не с чем. Вот он и пойдёт – встретит Севку, зайдут вместе в супермаркет и запасутся конфетами.

Во дворе Артёма не было ни одного ребёнка. Открывший калитку охранник сообщил – все малолетние футболисты и акробаты давненько разбежались по домам, что в такую погоду более чем естественно. Позвонив в нужную квартиру, Алексей обнаружил Севкиного друга с планшетом в руках. На вопрос, где Сева, Артём уверенно сказал – ушёл. Когда он ушёл – произнесено было куда менее внятно. Недавно. Насколько недавно, Артём уточнить не мог, словно запутался в часах, как Сева в уравнениях.

– И куда же он отправился?

Артём принялся разглядывать обои повыше плеча Алексея, потом потолок и только затем пожал плечами. Это было странно. Если бы у Севки имелось ещё с десятков друзей... Но Артём был единственным, дружили они ещё с садика, и ситуацию, чтобы сын куда-то рванул от друга, а друг был не в курсе, Алексей себе не представлял.

– Тёма, – мама Севкиного друга, вышедшая на их разговор, наверняка считала так же, – хватит врать. Дай сюда.

Планшет переключал в руки родительницы, и Артём проводил его тоскливым взглядом.

– А чего я? Он мне не докладывает. Завтра обещал рассказать, а пока я ничего не знаю.

– Когда он ушёл?

– После школы.

Прикинув, сколько времени прошло с окончания уроков, Алексей набрал номер мамы. Это была первая его мысль –

Севка мог отправиться к бабушке, и там у него разрядился телефон. Бабушка думает, что отец в курсе, а Севка может думать, что за него отзвонилась бабушка. Голос мамы был удивлённым. Внук? У неё? С чего бы? Разве Алексей не знает, где он? Что вообще происходит?

– Всё нормально, – соврал Алексей, – значит, он у Тёмки. Схожу заберу.

Поколебавшись, звонить ли после этого отцу, всё-таки позвонил. То, что Севка вдруг поехал туда, было куда менее вероятным – мама жила в двух шагах от них, до отца же надо было добираться почти час. Но других идей в голову не приходило. Отец тоже удивился – зачем бы Севке заявиться к нему.

Дойдя до дома – а вдруг они просто разошлись по дороге, – Алексей сына снова не обнаружил. Сидеть в квартире и ждать показалось неправильным, и он спустился к подъезду. В машине, как обычно, валялись сигареты Калинкина. Стоило Ромке поехать с Алексеем на встречу – он непременно забывал у него пачку. Закурив, так как уже начинал волноваться, Алексей приказал себе рассуждать здраво. Если человек вовремя не вернулся домой, ещё не значит, будто случилось что-то плохое. Особенно если этот человек – мальчик почти подросткового возраста. Надо просто поставить себя на его место и подумать – что могло произойти. Почему и где Севка мог банально забыть о времени и о том, что его отец обещал вернуться с работы не поздним вече-

ром. Может быть, он пошёл в интернет-кафе? Дома интернет был Севке недоступен, точнее, Алексей включал его по вечерам сам. Днём же считал наличие сети излишеством. Дай ребёнку свободный доступ, и он спишет оттуда все домашние задания и примется стрелять каких-нибудь монстров, пока глаза не выпадут. Пусть лучше играет офф-лайн, не захочет назавтра обвешаться двойками, так и об уроках не забудет. А вдруг вечерней дозы сыну стало мало и он решил сходить поиграть? Деньги у математически проблемного ребёнка были всегда. Алексей верил, что это стимулирует его счётную активность. Правда, прошло уже много времени, но откуда ему знать, сколько стоит час в подобном кафе и сколько сейчас точно финансов у Севки... Да, это казалось вполне реальным. С кино сын так не промахнулся бы – там известно время начала и конца сеанса, а вот в игру можно и заиграться.

Выстроив в голове правдоподобную версию, Алексей выбросил одну сигарету, прикурил вторую и прикинул, где здесь рядом компьютерные клубы. Вроде бы один он видел у автобусной остановки. А зачем Севке ехать куда-то далеко? Если и пошёл – в ближайший. О том, где надо будет искать дальше, если там сын не обнаружится, Алексей решил не думать, да и не успел бы – дойдя до ограждения собственного двора, издалека увидел знакомую куртку со светоотражателями. Только утром прикидывал, что сыну она уже коротка и пора обзавестись новой. Но мальчик, в котором Алексей

с первого взгляда опознал сына, шёл не один, а за руку с какой-то женщиной. А с кем мог бы идти Севка?

– Пап!

Всё-таки это был он – рванул к Алексею, не отпустив руки этой женщины, а потащив её за собой.

– Пап, знакомься, это Катя!

– Ты неправ! – Сева стащил куртку, уронил её себе под ноги и стоял в прихожей не разуваясь. Словно мог бы решиться сейчас догнать Катю и провести вторую серию разговора – поспокойней.

– Интересно в чём?

Папа никого догонять не собирался, поэтому просто повесил свою куртку в шкаф и пошёл мыть руки. Сева заглянул в открытую дверь ванной. Сказать «во всём» было бы неверно, всё-таки он в самом деле виноват – заигрался, и папа успел его потерять и разволноваться. Так что он не обижался на то, что папа взял его за шкуру и подтолкнул к подъезду, когда они с Катей подошли и Сева признался – был у Кати, точнее у Анатолия, её знакомого гения, а вообще они друзья. Но заявлять, что больше ему нечего делать у этих непонятных друзей...

– В том, что я не могу дружить со взрослыми!

– Можешь. Вон тебе полный офис взрослых – дружи с любым. Лучше с кем-нибудь в бухгалтерии, раз тебя так потя-

нуло на ежедневную математику.

Сева вздохнул. Папа отмывал руки долго, и в этом тоже был виноват он. Отцу не нравился запах сигарет от рук, а раз он курил – волновался. Что ж, исход встречи можно было предположить. Катя, конечно, заступалась за него. Говорила, что её друг – талантливый репетитор и Севе может помочь, звала папу прийти к ним, убедиться, познакомиться. Даже полезла в сумочку, чтобы показать свой паспорт. И заявила, что проще всего, конечно, обозвать ребёнка генетическим браком, а не искать к нему подход. Папа тут же посоветовал Кате завести своих детей и воспитывать, как заборорассудится... А уж на это ей нечего было возразить.

– Мне не нужны другие взрослые. Мне нужна Катя. Если ты не заметил, я начал получать четвёрки!

– Я заметил.

– Мне нужна Катя, – повторил Сева. Правильнее было сказать – мне нужен Анатолий. Но, наверное, Севин мозг сбоял не только на математике. Он очень хотел ещё поиграть с Анатолием в уравнения из «лего», но расстаться был не готов именно с Катей, которую видел реже.

– Вырастешь, заведёшь себе Катю. Или Юлю. Или Наташу.

Папа уже явно остыл и теперь сводил всё к шутке.

– Зачем мне незнакомая Наташа, – сказал Сева. Ему шутить пока не хотелось. – Мне нужна эта Катя.

– Что бы ты понимал в Катях.

– А у меня наследственность, – то, что Сева собирался заявить дальше, было несомненным хамством, но он не хотел заканчивать конфликт на таком – мол, папа его простил, всё утряслось, но нечего шастать по незнакомым тёткам и мужикам. Репетитор у него и так есть. А вот если продолжать ругаться, может, он чего-то и добьётся. – Если бы ты что-то понимал в женщинах, послал бы Карину Ярославцеву подальше.

– Какие мы продвинутые, – папа встал напротив Севы, заложил руки за спину и уставился ему прямо в глаза, – заврался как чёрт знает что, ещё кипит как чайник, будто все вокруг виноваты.

– Я не врал, просто не всё сказал.

И тут папу понесло. Он сообщил, что если считаешь себя таким умным, не надо мнить других идиотами. И он прекрасно видит, когда его отпрыск вводит кого-то в заблуждение. Он знает и про торговый центр, и про летние прогулы репетитора, и даже про фонтан.

– Постирал он барахло. А на Марсе яблони цветут. Ты даже не знаешь, как включается стиральная машина!

Севе стало очень обидно, он понимал, что в споре проигрывает, и папа вот сейчас свёл всё к тому, что он маленький и глупый. Даже врать толком не может, куда уж ему выбирать себе знакомых Кать. Обидно так, что слёзы на глаза вернулись.

– Не знаю, да?

Подняв с пола куртку, Сева решительно затолкал её в стиралку в ванной и нажал кнопку «старт». Режим там всё равно был выставлен автоматически, наверняка папа сам не умел пользоваться другими. Машинка загудела, набирая воду. А папа вдруг засмеялся:

– И в чём наш адаптированный к жизни мальчик пойдёт завтра в школу?

Сева отвёл взгляд от машинки. Чёрт, он не успел об этом подумать. Осенняя куртка у него единственная. В пуховике будет жарко, в ветровке – холодно.

– Олень, – папа взъерошил ему волосы. – Одно утешение – будь ты оленем Санта Клауса, точно стал бы самым любимым.

– Пап, но ты в самом деле не прав. Тебе надо сходить со мной к Анатолию. Ты его не знаешь? Но ты и Сергея Геннадьевича не знал, увидел один раз и всё. А четвёрки у меня только из-за Анатолия. И из-за Кати.

– Скоро показ, я страшно занят, – напомнил ему папа. – Давай ты пока не будешь туда ходить. А на каникулах разберёмся. Если Анатолий репетитор – надо же ему платить, с какой радости он просто тратит на тебя время? Если друг – я должен с ним познакомиться, Тёмку ведь я знаю. Логично?

– Логично, – Сева поглядел на вертящуюся в стиралке куртку и, отвернувшись, незаметно вытер слёзы. – Она даже не грязная была. Но включать машинку я умею!

– Да чёрт с ней, всё равно короткая, завтра новую ку-

пим. И вот что, Севка... перестань подсовывать бабушке для глажки рубахи, которые тебе велики. Если ты напялишь вещь даже на три размера больше, сам точно не подрастёшь.

– На три размера больше бабушка ещё не купила, – вздохнул он.

Потом папа поинтересовался, как часто Сева ходил к самостоятельно обрётённому репетитору, и Сева честно сказал – то раз в неделю, то, самое частое, – два раза. Ему же некогда – уроки, футбол, и погулять хочется тоже. И они договорились, что до каникул он потерпит. Заодно самостоятельная и контрольная за четверть покажут, есть ли от этих визитов такой потрясающий эффект, о котором твердит Сева. В том, что контрольную он напишет лучше, чем обычно, – не сомневался. А потом папа поговорит с Катей и Анатолием спокойно, без нервов, и, возможно, даже заменит Сергея Геннадьевича Анатолием. Разумнее платить тому, от которого куда больше толку. Теперь переговоры можно было посчитать успешными и уже наконец разуться... Бегать за Катей ни к чему, он сможет запросто позвонить ей по телефону...

– Значит, считаешь, Карина – плохой выбор? – спросил папа, когда Сева уже лёг спать в своей комнате, а он, как обычно, пришёл выключить свет. – Раньше ты такого не говорил.

– Раньше было незачем.

– И чем же она тебе не нравится?

Сева пожал плечами, но понял, что под одеялом этого не

видно.

– Просто не нравится. Я ей не нравлюсь тоже.

– Она не привыкла к детям, своих нет, – принялся объяснять папа.

– Дело не в привычке. У Кати тоже нет своих детей.

Он мог бы продолжить, что Катя, не имея детей, тем не менее покупала ему эскимо, делала за него срез и привела к своему умному другу. И сегодня подняла воротник, чтобы Сева не замёрз. А Карина обозвала Севу браком и ошибкой его родителей. Но услышав «Катя», папа щёлкнул выключателем и посоветовал выспаться перед уроками. Дверь закрылась, и Сева остался один...

В день контрольной работы за четверть на улице повалил первый осенний снег. По дороге в школу Сева поймал несколько снежинок языком. Настроение было замечательное. Самостоятельную он написал на тройку, и не только потому, что пару заданий списал у одноклассника с соседней парты, а и потому, что в одном вдруг увидел точно такое же, какое долго растолковывал Анатолий. Только вместо двадцати пяти первым числом стояло тридцать. Глядишь, и на контрольной попадётся что-то доступное. Кате Сева позвонил, и она сказала – всё в порядке. Конечно, родители должны знать, где и с кем их ребёнок, поэтому они с Анатолием охотно познакомятся с его папой. Ну а то, что они почти поругались при первой встрече, – ерунда, всё это от волнения, и заикливаться на такой ерунде не следует. Звонить ей Ка-

тя позволила сколько угодно и даже дала домашний номер. После самостоятельной Сева подробно рассказывал ей, как и что делал, такой радостью необходимо было поделиться, а папа с работы ещё не вернулся. Потом ему дозвонилась бабушка, возмущаясь, сколько можно висеть на телефоне. О случае с поздним возвращением домой она, к сожалению, тоже узнала. Видимо, папино враньё для неё было не менее очевидным, чем Севино для папы. Папа пытался сообщить, что просто так выяснял в тот день, откуда забирать Севу – от Тёмки или от неё. Но бабушка сказала, мол, поверила бы, если бы он тут же не позвонил и деду. А дед – ей, недоумевая, что происходит и почему ищут внука. В общем, тайное стало явным, а походы чёрт знает к кому не понравились бабушке ещё больше, чем папе. И теперь она если не приходила к ним домой посидеть с Севой, то звонила каждые полчаса. Это нервировало, но ведь и потерпеть предстояло совсем немного – до каникул, когда всё разъяснится и все договорятся.

– Не торопимся, – скомандовала Татьяна Александровна. – Если вы чего-то не успеете, я дам дополнительное время. Не надо писать мне что попало, лишь бы сделать всё. Кузнецов, отставить медицинский почерк, я с лупой в твои каракули не полезу. Чтобы каждая цифра была доступна пониманию!

Сева подвинул к себе карточку с заданием. Шесть пунктов. Если он не успеет – ему дадут время, волноваться не

надо...

К Семёнову Катя не просто спешила – летела. Обычно она являлась к нему уже после того, как зайдёт домой, переоденется, а то и поужинает. Но сегодня принеслась прямо из банка. Тем более что ни одного электронного письма на интересующую её тему сегодня получено не было.

– Ну как?

– Что как? – открывший дверь Толя усмехнулся. – Верховцева, а где «здравствуйте, друг мой любезный Анатолий Антонович»?

– Можно подумать, ты сам здороваешься. Не истязай мою нервную систему, выкладывай. Как тебе... этот? Что сказал? О чём договорились?

– Нормальный мужик, – Толя вернулся за комп и, как часто бывало, предоставил Кате возможность общаться со своей спиной. – Очень похож на Севку. То есть, конечно, Севка на него.

– Это я и без тебя видела. Что решили?

– Решили – раз дитя бьётся в истерике и требует меня в качестве репетитора, почему бы не попробовать. Помнишь рассказ про слона?

– Про какого слона? – не поняла Катя, но на Толенькин диван села уже почти спокойной. Кажется, всё прошло хорошо.

– Ну, там какая-то дореволюционная девочка чем-то болела и просила слона. Ей пригнали слона, и она вылечилась. Не помню, в чём там мораль. Может, это опус о родительской любви и готовности раздолбать ради чада стены дома?

– Может быть.

Морали этого рассказа Катя и сама не помнила.

– Вот, – подвёл итог Толя, – папа любит сына, а я теперь слон. Мне даже сказали не надрываться, мол, у ребёночка такое расстройство, что всё как об стенку горох. Главное – делать с ним домашнее задание, за что Жданов Алексей Максимович мне и заплатит. Тем более что их предыдущий репетитор испытывает моральные страдания от отсутствия прогресса и уже стесняется брать с семейства деньги. А мне велели не стесняться и побед и прорывов не ожидать. Но тут я категорически не согласен. Сделать домашку за Севку мог кто угодно. Я буду пробовать! Смотри!

Катя глянула на папку на Толином рабочем столе. В папке лежало несколько десятков каких-то пособий.

– Это нейропсихология, дефектология, всякие методички, – начал перечислять Толя. – Верховцева, ты представляешь, каким Севка может стать проектом? Бизнес-план настроит любой экономист, а тут... такой потенциал деятельности! В общем, мы договорились – понедельник, среда и суббота.

– Толенька-а-а! – Катя подскочила и изо всех сил обняла сидящего за компом Семёнова, для пущей убедительности

чмокнув его в макушку. – Ты молодец!

– Это я и без тебя знаю, не надо меня слюнявить.

Семёнов углубился в работу, а Катя пошла домой, вспоминая, как впервые увидела отца Севки и какое впечатление он произвёл. Разговаривал с ней довольно грубо – послал куда подальше, воспитывать собственных детей, а Севку ухватил за шкирку, будто тот не личность, а бестолковый котёнок. И Катя подумала – не очень приятный тип, даже странно, что его сынок – внешне почти точная его копия – такой милый мальчик. Но к тому времени, когда Севка ей позвонил и спросил – неужели они с папой поссорились всерьёз и плохо друг о друге думают, – она уже успокоилась. Конечно, человек волновался. Пропади её ребёнок, она бы, наверное, с ума сошла, а увидев с незнакомым взрослым, у которого дитя, видите ли, толклось, тоже высказала бы этому взрослому многое. Севку она заверила – всё в порядке, ничего плохого о его отце она не подумала. А тот радостно сообщил – им можно болтать по телефону, а уже в каникулы папа встретится с Толей и, глядишь, обо всём договорятся... Тем более что скоро контрольная, где тройку он получит точно. Севкин звонок после контрольной Катя вспоминала с содроганием. По телефону было слышно – мальчик с трудом сдерживает слёзы. Или уже проревелся, но собирается это занятие продолжить. Сообщил, что контрольную написал на двойку, потому что нереально за полтора урока представить каждое число башней из кирпичиков. Даже если очень по-

стараться. А теперь всё... дружить им его папа не разрешит. И вообще, раньше он полагал, что жизнь – приятная штука, несмотря на иногда случающиеся трагедии, но оказывается, всё очень и очень плохо. Он действительно брак, отброс и позор семьи. Выговорив про позор, Севка вдруг резко сменил тему.

– А тебе всё-таки надо купить красное платье!

И Катя сказала:

– Завтра же куплю.

Конечно, она уже знала, что «бедный отец» Севки – президент модного дома, и платья, которые Севка предложил ей выбирать в торговом центре, – продукция этого самого дома. А вот как теперь успокоить пацана – понятия не имела. Несла какую-то чушь и ощущала себя так, словно вот-вот подключится к его рыданиям...

На следующий день голова трещала, будто Катя болеет, и она даже не сразу поняла, что ей говорит позвонивший с утра Семёнов. Толя же доложил, что на днях ждёт Севкиного отца в гости. И, возможно, они договорятся о занятиях. Со своей стороны, Толя попытается назначить один урок на выходной день. Чтобы Катя могла видеть, как они продвигаются, да и просто общаться с внезапно обретённым малолетним другом не только по телефону. И вот всё сложилось, и в субботу Катя действительно сможет приходить к Семёнову и видаться с Севкой. Кто бы ей сказал раньше, что её потянет болтать с человеком, который ещё даже не подросток, – она

бы сильно удивилась. Да, ей, как, наверное, любой женщине, нравились дети. Но в том возрасте, когда у них ещё очаровательные розовые щёчки, пухленькие ручки и неполный комплект зубов. Такие пупсики умилят кого угодно, а кому могут понравиться посторонние одиннадцатилетние мальчишки? Скорее, дело в том, что если не видеть Севку, а болтать с ним по телефону, можно подумать, что он вполне взрослый – уж очень разумно рассуждает. А если увидеть, как соединяет детали «лего», ползая среди них на четвереньках, то он кажется совсем ещё ребёнком, пусть и с выросшими зубами... Но может, в её возрасте просто пора проснуться всяким там материнским инстинктам. И если она пока не думала о семье и собственных детях, так лишь потому, что не находила, с кем бы ей могло захотеться этих детей завести. Первая школьная любовь давно позади, институтский роман с однокурсником разочаровал, в Германии она слишком много училась и работала, чтобы посмотреть по сторонам и оценить лиц противоположного пола, а в банке никого подходящего ей на глаза не попадалось. Вот она, не имея возможности найти себе мужа, нашла в торговом центре дитя. Пожалуй, в этом нет ничего странного.

– Ребёнок-парадокс, – почти восхищённо провозгласил Толя после следующего их занятия, – его родили в день защиты отцом диплома. Тот из института понёсся в роддом. А матери пришлось защищаться позже. Ты представляешь? Это она писала диплом, проходила практику уже беремен-

ная. И надо же – совсем не отразилось на плоде. А ещё говорят – окружение беременной играет роль.

– Может, и сыграло, – предположила Катя, – перенасытился точными науками внутриутробно и решил родиться гуманитарием.

– Антиигра, – на полном серьёзе подхватил Толя, – возможно. Блок в сознании!

Толя принялся размышлять, как снимают подобные блоки, а Катя подумала – роды в день защиты диплома... Выходит, отец Севки моложе, чем она считала. Впрочем, они виделись всего ничего и были в тот момент взволнованы, она и уловила только внешнее сходство...

Катин день рождения – двадцать восьмое декабря – выпал в этом году на вторник, и Севка заявил, что непременно должен её поздравить. Поэтому придёт на занятие вне графика, и они с Толей дождутся её возвращения с работы. Ожидаемого Семёновым прорыва через Севкины блоки в сознании во второй четверти так и не произошло, но мелкие сдвиги, по утверждению Толи, были, а контрольную им дали сразу на дом. За это время Толя успел познакомиться с Севкиной математичкой и очаровать её так, как, скорее всего, не очаровывал за всю карьеру ни один собственный ученик. Толя несколько раз посидел на уроках рядом с подопечным, чтобы понять – где и как у того происходит сбой в условиях классной работы. Контрольную они делали вдвоём, разбирая каждый пример, но Толя хвастался Кате, что если бы Севка ре-

шал её полностью сам, то получил бы не двойку, а тройку с минусом. Эти двое так сдружились, что Катина мама, принося с работы теперь два вида йогурта – клубничный, который обожал Севка, и персиковый, предпочитаемый Толей, шутила – это Катенькиным детишкам, для питания непрерывно перенапрягаемых мозгов. С «бедным отцом», который позволил называть себя просто Алексеем, общался только Толя, и с его слов Катя знала – считать его грубияном, травмирующим несчастного мальчика, она поспешила. Да и про «брак» ляпнул совсем не он, а какая-то девица с его работы. Севка по секрету сообщил Толе, что девица та ему глубоко противна, но, скорее всего, совсем не противна его папе. Так что как знать, возможно, придётся смириться с её существованием в непосредственной близости от себя.

На день рождения Катя решила купить торт-мороженое. В конце концов, именно мороженое познакомило её с таким интересным ребёнком, а Толя из-за этого знакомства открыл в себе талант репетитора для сложных случаев. Севка встретил её на пороге, солидно пожав руку и сказав, что двадцать пять – это ого какая цифра. Почувствовав себя раритетом, Катя вздохнула.

– Это подарок от папы.

Приняв протянутый ей конверт, Катя обнаружила внутри приглашение на показ мод. Презентация должна была состояться в конце января.

– Вообще тебе стоит научиться выбирать платья, – заявил

Севка. – Преодолеть проблему. Я-то над своей работаю. Хочешь, я пойду на показ с тобой?

– Очень хочу, – засмеялась Катя. – Я опасюсь таких презентаций.

– Договорились. Теперь подарок от меня. Он в холодильнике.

Подарок от него оказался таким же тортом, какой принесла и Катя. Только Катин был шоколадный, а Севкин – вишнёвый.

– Столько нам не съесть, – сказала Катя.

– В двадцать пять ты ослабела насчёт мороженого? – поинтересовалось дитя. – Летом ела, и ничего.

Почувствовав себя совсем руиной, Катя показала Севке язык.

– Это ты нежный детский организм, и в тебя столько не влезет, я-то могу.

– Можно провести эксперимент. Кто больше слопает, – включился Семёнов, – делаю ставку на Катку, она ещё в детстве была очень способной.

Объевшись мороженым до состояния, когда трудно даже дышать, они сыграли в «Колонизаторов» – любимую Толину настольную игру, посмотрели новый мультик про смешариков, и Толя повёл Севку домой, а Катя отправилась на вторую серию дня рождения – пить шампанское с мамой и отцом, для которых двадцать пять было совершенно особенной цифрой. Подумать только, твоему ребёночку уже четверть

века!

Тридцатого декабря Катя спешила с работы, шёпотом ругаясь на возникшие из-за двухдневного снегопада пробки. Сегодня ей снова надо было идти не домой, а к Толе. У Севки последнее в году занятие по математике (не устраивать же его тридцать первого), они договорились обменяться новогодними сюрпризами, а ещё его отец звонил Толе и очень просил поддержать у себя Севку до позднего вечера. Мол, у него форс-мажор – покинуть компанию он не может, а Севкина бабушка уже улетела на новогодние каникулы. Конечно, ребёнок посидел бы дома и один, но он так просится побыть именно у Анатолия с Катей. И если их не затруднит... Честно сказав – никого этот чудесный ребёнок ничуть не затрудняет, и можно забрать его в любое удобное Алексею время, – Толя предвидел ещё один занятный вечер – с игрой, мультиками, интересными разговорами и неторопливым чаепитием... Кате эта перспектива тоже нравилась. Новогодним сюрпризом и Севке, и Толе, и ей самой была игра «Манчкин», которую Катя купила в магазине около банка, считая, что играть в неё им будет очень весело. Чего только стоил её слоган: «Мочи монстров, хапай сокровища, подставляй друзей». И обещание с коробки «Быстрая и хулиганистая игра „Манчкин“ превратит любую компанию в сборище хохочущих истериков». Похохотать Катя была совсем не против.

– А вот и Снегурочка, – сказал Толя, окинув взглядом за-

несённую снегом Катину шапку, – заждались. Мне ещё работу подбросили, мать к соседке убежала, а мелкий явно скучает.

– Очень скучает, – удивлённо сказала Катя, пойдя в комнату. Севка спал на полу, почти закатившись под Толин диван. Вокруг него валялись лего-человечки и недостроенный дом. – Семёнов, мог ребёнка на диван положить хотя бы.

– Да я думал – играет, – пробормотал Толя. – Может, разбудить? Пусть ляжет на диван. Или вообще встанет, а то ночью не уснёт.

Катя прикоснулась к Севкиной щеке, чтобы аккуратно разбудить.

– Толь... он ужас какой горячий!

– Успокойтесь, Катя! – Алексей глянул, как сидящая напротив него на кухне девушка развозит по щекам слёзы, вздохнул и полез в карманы. Платка, разумеется, не обнаружилось. Тогда он взял рулон бумажных полотенец и сунул ей под нос. – Прекратите истерику!

Катя уставилась на полотенца, потом на него и всхлипнула ещё трагичней:

– Севка трёт очки рубашкой! Я хотела подарить ему платок, а он мне показал аж три – в рюкзаке, в куртке и в кармане брюк. Но трёт всё равно рубашкой!

Алексей улыбнулся.

– Кофе?

Ему дико хотелось спать. Ночью уснуть он побоялся – у маленького Севки от высокой температуры порой начинались судороги, и кто знает, если он вернулся к давно забытой ангине, возможно, и судороги появятся тоже. В лечении ребёнка Алексей силён не был – этим сначала занималась жена, потом мама, но основное помнил – в первые дни, когда градусник то и дело показывает под сорок, спать нельзя, нужно быть наготове – пытаться сбить температуру, а если не удаётся, вызывать скорую помощь. Первый раз скорую он вызывал вчера, как только забрал Севку от Анатолия и понял – с таким жаром сам не справится, а второй раз – сегодня. Жаропонижающий сироп не помогал, а делать уколы Алексей не умел. Бригада вышла от них недавно, до смерти перепугав вот эту явившуюся к сыну Катю. Она, оказывается, принеслась по Севкиной просьбе. Говорить тот практически не мог, зато додумался затащить в кровать телефон и отправить Кате смс-ку. Неизвестно, что вообразила Катя, получив просьбу приехать и узрев скорую у подъезда, но теперь он расхлёбывает последствия работы её буйного воображения. Хорошо хоть, сын уснул сразу после укола... Коллективные страдания – это было бы слишком.

– Кофе? Кофе, – Катя усиленно закивала, и он улыбнулся снова. Смешная.

Надо же было сыну умудриться завести себе такую подругу. В первую встречу она произвела на него впечатление

девчонки, не утратившей подростковых манер. Да, с женской фигурой, но с совершенно детскими претензиями и советами постороннему человеку, как вести себя с собственным отпрыском. Однако чуть позже то, как бодро она бросилась защищать Севку неизвестно от чего, показалось ему хорошим признаком. На Севку ей не наплевать, а много ли таких людей вокруг? Ну да, угораздило человека сдружиться с пацаном, но в принципе ничего невероятного тут нет. Особенно для девушки, лучший друг которой – странный экономист Анатолий Семёнов. Об этом субъекте Алексей смог составить впечатление за пару минут беседы – чокнутый профессор. Если кто и в состоянии помочь нестандартному Севке – только такая же странная личность. Очень логично. Там, где стандартные подходы бессильны, порой помогает такое, что и в голову сразу не придёт. Поначалу Алексей расспрашивал сына, узнавая подробности занятий, заглядывал в тетрадки, но быстро убедился – то, как Анатолий объясняет Севке задачи, ему всё равно не понять, главное – домашние задания у ребёнка всегда сделаны, классные, которые он не осилил, переделаны и разобраны и настроение у сына замечательное. Это в тот момент, когда Алексей уже решил – время принятия сыном себя со всеми особенностями прошло и началась эпоха подростковых комплексов. Всё-таки не зря он подумал – если Севка так рыдает после проваленной контрольной, то наверняка даже не из-за самой двойки, а от страха, что сейчас отец пойдёт на принцип и запретит ему видеться с Ана-

толием и Катей. Запрещать что-то лишь потому, что так проще, Алексей вообще был не склонен, вреда от общения сына с красnodипломниками МГУ в упор не видел, о чём и сообщил изображающей предынфарктное состояние маме. На её вопли – «мы же их не знаем!» – сказал: познакомимся. И счёл тему закрытой. Мама ещё побурчала, мол, репетиторов надо искать через агентство, а не хватать буквально на улице, и репетитор должен разбирать с ребёнком темы, а не играть в «лего», но среди четверти, посетив родительское собрание, на которое Алексей не успевал, она была поймана Севкиной математичкой. О чём Татьяна Александровна беседовала с бабушкой сложного ученика, Алексей точно не знал, но заметил – все претензии к нему как к легкомысленному папаше с того вечера прекратились. То, что одно из занятий выпадало на субботу, было Алексею особенно удобно: хочешь – доделывай накопившееся за рабочую неделю, хочешь – езжай к Карине, и никаких угрызений совести на тему «сын и так тебя почти не видит». Алексей сам вырос, воспринимая отца как НЛО, периодически паркующийся на крыше их дома, но от этого менее неопознанным не становящийся. И решил – в его семье всё будет иначе. Правда, вышло иначе настолько, что и представить заранее нельзя...

Но одно дело – бросать ребёнка дома в одиночестве и другое – отправлять на занятия.

– Это я виновата, – сообщила Катя чашке с кофе, – с мороженым своим. Испортила ребёнку Новый год...

Да, новогодние праздники начались не так, как было запланировано. Алексей собирался сходить с Кариной и Севкой в ресторан, поесть вкусного, поглядеть новогоднюю программу и вернуться домой уже ночью, также втроём. Сыну Карина не нравилась, но, возможно, это оттого, что они друг к другу не привыкли. Алексей тоже не испытывал к ней каких-то ярких чувств и встречался именно с Кариной скорее потому, что это было удобно – они работают в одном офисе, почему бы и досуг не проводить совместно. Для того, чтобы спать вместе к взаимному удовольствию, любить друг друга вовсе не обязательно. Достаточно ровных хороших отношений. А если бы и между Кариной и Севкой эти отношения были хорошими, можно было бы задуматься о браке... Не ожидать же годами внезапной любви неизвестно к кому, тем более что Алексей подозревал – таких чувств, какие у него были к Ольге, он больше и не испытает. Это только у подростков всё просто – приехал ты в лагерь, и из пятнадцати девчонок твоего отряда добрый десяток тебе нравятся сильно, а штук пять – очень даже сильно. Теперь всё иначе. Найти женщину для физиологии – проще простого. Найти ту, которую можно привести в дом, где растёт твой единственный ребёнок, – задачка не из лёгких. Карина пока решением этой нелёгкой задачи не стала. Севка считал её плохим выбором и наверняка даже не переживал о сорвавшемся походе в ресторан...

– Бросьте, Катя, – сказал Алексей, – Для ангины нужно не

только мороженое, но и бактерии или вирусы. Новый год никуда не делся. Есть ёлка, есть мандарины и конфеты, есть подарок. А сейчас Севка поспит, температура упадёт, и к бою курантов он будет чувствовать себя лучше. И вы не виноваты – откуда вам было знать, что ему нельзя много холодного. Сам должен был подумать.

Катя снова зашмыгала и возразила – Севочка маленький, вот и не просчитал последствия, а ей всё равно стыдно, и вообще она очень испугалась, увидев скорую помощь.

– Можно, я подожду, пока он проснётся? Или нет... можно, я сбегая домой за подарком и принесу? Я вчера забыла... об этой коробке с игрой!

Смотрела таким взглядом, что сказать – не надо, уходите и не возвращайтесь – смог бы только изощрённый садист.

Дверь за Катей закрылась, и Алексей зевнул – сейчас бы лечь хоть на полчаса, так нет, она же в своём волнении метеором обернётся. Попробовал позвонить Карине – та отключила телефон. Обиделась. Готовилась к празднику, ждала его, а тут бах – Севка болеет, мама Алексея греется на солнышке у моря, и даже отец уехал вчера сразу после корпоративных посиделок, потребовав, чтобы ему не звонили и не беспокоили. «Мне, может, немного лет активной жизни осталось, не портьте мне их». Под активной жизнью родитель явно имел в виду беготню по бабам, из-за которой в своё время и развёлся с мамой. Никак не успокоится. Впрочем, оставить сына с ангиной на отца и идти в ресторан Алексею бы и в голо-

ву не пришло. Как и позвать к нему постороннего человека, что предлагала сделать Карина. Мол, неужели нельзя найти на два-три часа какую-нибудь медсестру, заплатить ей и не волноваться? Медсестра для больного ребёнка – даже лучше, чем отец, не очень-то понимающий в медицине...

Потрогав Севкин лоб, подумал – ну вот, наверняка это был последний подъём температуры до пугающих цифр. Теперь сыну надо будет пить лекарства, часто полоскать горло, и через недельку от этой ангины останутся одни воспоминания. В комнате приятно пахло ёлочной хвоей, и Алексей не заметил, как глаза его начали слипаться, почти уснул, сидя на полу и уткнувшись лбом в кровать.

Дверной звонок разбудил его и сына. Севка принялся махать руками – мол, открывай скорее.

– Да иду, иду. Катя твоя пришла, я уже понял.

Это и верно была Катя. Только не такая растерянная, какой он видел её вчера, забирая сына и не такая перепуганная, какой ворвалась в их квартиру после визита медиков. А скорее та, которую он видел в их первую встречу – решительная и знающая, что сейчас делать.

– Вот, – всунув ему в руки пакет, принялась объяснять, что, сидя у него на кухне, обратила внимание – чай есть, кофе есть и есть магазинный сок в пачках, но это немного не то, что нужно больному ребёнку. А в пакете сушёные яблоки и мороженая смородина, из чего Катя сейчас быстро наварит им кастрюлю компота. Йогурт – тоже хорошо, когда челове-

ку больно глотать и есть он почти не может. Вообще никто не лечит ангины у детей лучше, чем мама гения Анатолия, и Катя готова действовать по её рекомендациям. А во втором пакете – подарок для Севки, очень интересная настольная игра. Конечно, Катя понимает, что играть сейчас не придётся, но праздник – время для подарков.

– Катя!

Собрав все ограниченные возможности своего больного горла, сын выразил такую радость от её присутствия, что Алексею только и оставалось покивать. Да, компот – хорошая идея, он сам не умеет варить компоты.

– Может быть, вам поспать? – предложила Катя. – Вы же всю ночь не спали, видимо. Всё равно я пока здесь. Буду уходить – разбужу.

– Может быть, перейдём на «ты»? Раз я буду спать... в вашем присутствии.

– Конечно, – согласилась Катя. – Всё будет хорошо.

Севка подтверждающе помычал из кровати.

Сквозь сон Алексей чувствовал, как к традиционным новогодним запахам хвои и мандаринов добавляется запах яблочно-ягодного компота...

В комнате было полутемно – горела только настольная лампа, да за окном то и дело взрывались, освещая дворы, петарды. Катя, поджав под себя ноги, сидела под лестницей на

мате детского спорткомплекса в Севкиной комнате и думала, что Новый год встречает более чем странно. В незнакомой квартире с двумя спящими лицами мужского пола. Правда, до самого Нового года ещё почти час... Катя полагала, что к бою курантов вернётся домой. Зачем бы этому семейству оставлять её у себя? Поэтому и не захватила платье. Прибыв за подарком, ещё думала – надо взять. То красное, так нравящееся Севке. Катя всё же купила его, надевала в предпраздничные дни в банк и была удивлена, насколько шумно коллеги одобрили её вид. Максим из операционного зала даже намекал на свидание в новогодние каникулы, а начальник отдела пошутил, что нечего так вырядиться – столь привлекательную сотрудницу ещё, чего доброго, сцапает какой-нибудь богатый клиент. Утащит замуж, в декрет и оставит банк без ценного кадра... Но уже открыв шкаф, подумала – куда разогналась-то, наверняка придётся уйти гораздо раньше двенадцати, и вообще наивно рассчитывать, что ей не покажут на дверь сразу. Пусть Севкин отец и делает вид, что ничего страшного не случилось, все дети болеют, и некоторым надо было обдумывать перспективы, а не ставить рекорд поедания мороженого зимой... Всё равно наверняка о ней думает – глупая женщина. Умная никогда бы не позволила ребёнку то, что очевидно вредно. Разрешит подарить Севке подарок, поздравить его и отправит на выход. Тем не менее, на вопрос мамы – когда ждать Катеньку обратно – Катя сказала, что ждать не стоит. Идёт она к больному ребёнку

и сколько там пробудет – неизвестно. Волноваться ни к чему – тут близко, и даже вернись она среди ночи, пойдёт по освещённой салютами и гирляндами улице. В самом крайнем случае, позвонит, и её встретит их семейная защита и оборона – папа. Если он ещё будет стоять на ногах. Папа, услышав это, заявил, что Катька – зараза, а с ног его сбить нереально никакой дозой алкоголя, и продолжил на кухне резать огурцы для салата. Огурцами в квартире теперь пахло сильнее, чем мандаринами. Под задумчивым маминым взглядом Катя облачилась в привычное – джинсы и рубашку в клеточку – и отправилась ещё и к Толиной маме, чтобы уточнить, нет ли волшебных средств, от которых ангины бы проходили мгновенно. Ну или очень быстро. Магией Толина мама, к сожалению, не владела, но дала полезные советы и то, из чего можно было сварить Севке компот. Подходя к дому Ждановых, Катя решила – сразу выгнать себя она не даст. В конце концов, одинокий мужчина и больной ребёнок – это сложная ситуация. И она уйдёт, лишь убедившись, что всё в порядке. Вдруг у них элементарно ничего не приготовлено из еды. А раз она всё-таки виновата в том, что Севка заболел, то должна принять участие и в его лечении.

Настаивать на этом, правда, не пришлось. Наверное, Севкин отец, разрешивший называть себя просто Алексеем и обращаться к нему на «ты», слишком устал, чтобы раздумывать – прилично ли оставлять дома малознакомую женщину и отправляться спать, как она ему предложила. Согласив-

шись, что компот – отличная идея, он ушёл в другую комнату и закрыл дверь. Севка же всё пытался ей что-то сказать, что она пресекла, посоветовав взять бумагу, ручку и если надо – писать. Почему бы им не пообщаться письменно? Поставив на плиту кастрюлю с водой, спросила – не нужно ли ещё что-нибудь приготовить, – на что Севка показал в сторону холодильника. Там и правда обнаружилась готовая еда в бумажных пакетах с логотипом какого-то ресторана. Как-то она забыла о возможности заказать всё на дом и не метаться по кухне перед праздником...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.